

Библиотечка «ЗНАНИЕ-СИЛА»

НЕИЗВЕСТНАЯ ВОЙНА

Библиотечка «Знание – сила»

Сборник статей

**Неизвестная война. Правда
о Первой мировой. Часть 1**

«Знание-сила»

2014

Сборник статей

Неизвестная война. Правда о Первой мировой. Часть 1 / Сборник статей — «Знание-сила», 2014 — (Библиотечка «Знание – сила»)

Книга рассказывает о том, как складывалась ситуация в Европе накануне Первой мировой войны, начавшейся в 1914 году, о том, каково было ее начало, о наиболее ярких событиях первых лет войны, о людях на войне. В книгу вошли статьи, опубликованные в журнале «ЗНАНИЕ-СИЛА» в 2014–2015 годах. Все статьи написаны профессиональными историками из России, Венгрии, Украины по теме их исследований и содержат много неизвестных и малоизвестных фактов.

© Сборник статей, 2014

© Знание-сила, 2014

Содержание

Вступление	6
Европа предвоенная	7
Светлана Князева	7
Виктор Мальков	16
Марианна Сорвина	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Сборник статей Неизвестная война. Правда о Первой мировой. Часть 1

© Г. П. Бельская, составление, 2014

© АНО «Редакция журнала “Знание-сила”», 2014

© «Вест-Консалтинг», компьютерная верстка, макет, 2014

Вступление

Первая мировая война. Иллюзии и реальность

Оглядываясь на историю столетней давности, с удивлением обнаруживаешь, что человечество вступало в XX век не только с всегдашними своими агрессивными привычками и напором, но, что, пожалуй, еще хуже, – с наивными умонастроениями.

С грядущей войной связывались радужные надежды. Европейские гуманисты были уверены, что она станет освободительной и последней в череде бесконечных военных конфликтов. Российские националисты твердили о «братьях славянах» и историческом долге завоевать Царьград. Либералы рассчитывали, что война приблизит идеалы демократии и социализма, и власть, наконец-то, дарует России конституцию...

И всем без исключения казалось, что война разрубит тугой узел не решаемых проблем, мир скинет старые одежды, вздохнет и заживет свободно.

Результаты такого затмения разума не заставили себя долго ждать – большая позиционная война с сотнями тысяч гибнущих мирных жителей и солдат, своими телами засеявших земли Европы. Такова была и цена этой наивности, и ее урок.

Россия оказалась страной более всех других пострадавшей в войне. И это понятно.

Не хватало заводов, производящих оружие. Не было автомобильной промышленности, отсюда – изнурительные пешие переходы. Архаичное, времен Суворова, техническое оснащение армии, десятикратная нехватка снаряжения, боеприпасов, продовольствия.

И наконец – состояние армии, не преодолевшей отсталость полуфеодальной страны. Ключевые слова здесь – «полуфеодальная страна». Россия к началу века только вставала на путь промышленной революции, находилась в самом его начале и состязаться со странами Европы была, конечно, не в состоянии.

Первая мировая война – по сути, неизвестная война в нашей стране. В СССР о ней старались не вспоминать. Ее основные события не изучались в школе. Ее настоящие герои не были широко известны. Научные исследования, посвященные этой войне, не приветствовались. Были, конечно, люди, изучавшие ее, но, как говорится, в частном порядке, в стороне от официальной науки. Их было немного, и они не имели возможности публично рассказать о результатах своей работы.

Этот сборник посвящен по-настоящему Неизвестной Первой мировой войне. В нем авторы, так или иначе, стараются ответить на многие недоуменные вопросы, не получившие и за сто прошедших лет однозначных ответов. И делают это, привлекая новые документы, воспоминания, письма. И идеи.

Авторы сборника – ученые-историки, посвятившие многие годы исследованию различных вопросов, связанных с Первой мировой войной, изучавшие ее с разных позиций. Их материалам можно верить.

Галина Бельская

Европа предвоенная

Светлана Князева XX век берет разбег

В августе 2014 года исполняется сто лет с тех пор, как на Европу обрушился смерч мировой войны. Первые дни августа были «радужными», многие европейцы считали, что речь идет всего лишь о нескольких неделях победоносных (для каждой из стран) сражений. Но осенью 14-го стало ясно – предстоят месяцы, а может быть, и годы испытаний, невзгод, а война уже приносит обильный урожай смертей, болезней, увечий, горя.

Долгое время в изучении Первой мировой войны преобладала тенденция, согласно которой основная ответственность за развязывание европейского, затем мирового пожара возлагалась исключительно на имперскую политику развитых стран Европы в канун всемирной бойни. Поэтому именно дипломатия и политика ведущих держав Европы и мира оказались в числе «ядерных» тем: в течение ста лет вышли многотомные исследования, публикации документов, сотни (если не тысячи) монографий по истории дипломатии, внешней и внутренней политики, социально-экономической ситуации воюющих стран.

Однако так ли уж пацифистски были настроены европейские нации? Что скрывалось за патриотизмом французов, россиян, британцев, немцев в первые месяцы европейского пожара? Чем жил и интересовался, как себя ощущал *маленький* европеец – «простой человек с улицы», что его окружало и занимало, какие фильмы смотрел, какие танцы танцевал и чем занимался в годы, непосредственно предшествующие началу этой страшной войны? И, главное, как не видел, не замечал, как его прямо затягивает в страшную воронку...

Что пряталось на доньшке *Belle Epoque*?

* * *

Время внезапно спрессовалось, стало липким, сбилось в вязкую массу, затрепетало, сложилось пополам, как лист бумаги с плотно напечатанным текстом. Потом листок развернулся, искривил пространство, вдруг в конце коридора приоткрылась дверь и...

В какую эпоху мы попали? В начало XX столетия?

Оптимизм. Оглушительный, переливающийся через края европейского мира...

Мы будем жить в мирном и разумном XX веке – без войн, без катаклизмов. Наступил Век Разума, Прогресса, Счастья!

Появились новые герои. Грандиозность. Величие. Гордыня.

Человечество ошеломлено. Сбито с толку и растеряно. Мы покорим пространство и время. Мы все добудем, поймем и откроем: холодный полюс и свод голубой. Мы сокрушим старый мир, перевернем его с ног на голову. Мы *благодетельствуем* человечество!

Мания грандиозности. Сверкают глаза ораторов, наливаются кровью и величием, выпрыгивают из орбит, излучают абсолютную истину. В расширенных кокаином зрачках четко, с мельчайшими подробностями, отражается многократно уменьшенная толпа на площади. Высоко задранный подбородок человека на трибуне. Сильно развитые нижние челюсти, холодный гипнотический взгляд очковой кобры, а хватка – бульдожья: как схватит такой, как сожмет челюстями... Глаза буравят, прожигают, гипнотизируют толпу, человек держит ее своими крепкими острыми зубами, заражая идеями всеобщего равенства и повального счастья, – теперь не выпустит! А как нарастает, как ширится сила, напор произносимых слов – от шепота до грохота и ора, срывающегося в ультразвук. Трескучие, каркающие, громыхающие фразы. Это уже не политики – нет! Вожди. Откуда они взялись? Вчера их еще не было.

Там, где прежде была суша, теперь, откуда ни возмись, заплескался океан амбиций, разлились моря честолюбия. Выросли новые и укоренились хорошо забытые старые мифы. Лозунги. *Новояз*. И толпы, толпы верящих вождям людей.

Новая эпоха!

– Свобода – это ответственность?! – понизив голос до свистящего полусшепота, с издевкой вопрошали *Вожди*. – Кто вам это сказал? Плутократы-либералы? Да они заражают вас бубонной чумой фальшивой демократии. Нет, подлинная демократия – это свобода! А подлинная свобода – это раскрепощение! Подлинная Свобода с большой буквы – это справедливая народная война!! Подлинная Свобода – это народная Революция!!! Да здравствует Свобода! Да здравствует Революция и ее дитя – Свобода!! Свобода – это хаос. Свобода – это произвол большинства. Свобода – это война, экспроприация, бунт!

Европу захлестывает шпиономания. Кажется, совсем еще недавно оправдали, наконец, капитана Дрейфуса, невинно осужденного за шпионаж в пользу Германии и передачу ей секретных разработок новейших видов оружия. Сам Президент Французской Республики Арман Фальер торжественно утвердил его в чине майора и наградил, сделав Кавалером Почетного Легиона. Так теперь новых шпионов и предателей ищут – и находят!

... Утонченный модерн, изошренный, уводящий в потусторонний мир декаданс... *изыск!*. Это нечто оглушительное... доводящее до безумия, до иступления... Гумилев, Блок, Анна Ахматова. Габриэле Д'Аннунцио... Его высокомерный, но печальный взгляд, изящно искривленный рисунок его презрительно, горестно сомкнутых губ, прячущихся под божественными усами. Какой шик! Он неподражаем. С великолепной отстраненностью смотрит он на толпу. Его стихи, его проза – чувственная, полная достоинства, – и горькая. А рядом с ним его подруга – несравненная Элеонора Дузе.

... А это Поль Верлен и головокружительные – и как только можно было услышать в своем сердце, нащупать в душе, угадать? – такие точные слова! Испепеляющие, услаждающие слух *Les sanglots longs*. Как оголяет нерв, истончает его эта поэзия!

Пронзительно. Невозможно. Губительно сладко, неповторимо, изумительно.

Парижские интеллектуалы обсуждают теорию Прогресса и футуристов-будетлян. Город будущего! Это видение. Какой шик! Итальянский поэт Филиппо Маринетти и его соратники в журнале *La Plume* возводят фантастические в своей нелепости мегаполисы будущего, создают нового кентавра – человека-машину, грозятся выбросить с *Парохода Современности* Венеру

Милосскую, Пушкина, Достоевского и кого-то еще, потому что все они устарели, да и вообще никому непонятны, как иероглифы...

Кругом модерн. Один модерн. Ничего, кроме модерна. Ох, как кружится голова от этого модерна! Утонченный модерн в искусстве, модерн в науке, даже модернизация церкви!

А вот, мы слышали, во французском городе Булонь-сюр-Мер прошел первый международный конгресс эсперантистов – в нем приняли участие 688 человек. Как ново, свежо, как интересно!

Но... Толпа... Возбужденные крики. Разнузданное поведение, отсутствие манер. Простой народ на гулянье. *Эй, ты там, в цилиндре! А хошь в нос?*

Как утверждал один недавно умерший философ, на толпу обычно не производят впечатления благородные изречения и возвышенные истины. Маленький простой человек с улицы разбушевался, стал новым героем. Век индивидуализма, уважения к человеческой личности уходит медленно и печально. Век толпы вступает в свои права.

Даешь Свободу, то есть анархию и произвол!

Разнузданная толпа. Это, оказывается, страшно. Выходят из берегов взбудораженные толпы. Толпы людские заплескались на площадях – брызги летят во все стороны! Как много людей – тысячи! Закипевшие лица, расплавленные, стекающие, с широко открытыми орущими ртами, вывернутыми наизнанку до самого нутра, как карманы их штанов; лица, обезображенные спиртным, хамством и какой-то низменной страстью. Они внимают вождям – и все это называется у них теперь «демократия»! Взрывается толпа бомбами одобрения, строчит из пулемета очередями интереса, восторга!

Вот он, век массовой культуры! Пена людская поднимается со дна человеческого океана и мелким бесом бурлит, переливаясь через края и распространяя вокруг себя всеобщее равенство и свободу, затапливает все вокруг... Кумир для этих людей – безграничная свобода. Боги, цари, короли, правители, аристократы, пророки, герои, священнослужители – смешались в кучу все. Короны полетели в грязь! Долой короны! Долой аристократов! Долой тиранов-правителей! Долой веру в Распятого! Долой самого распятого!

Страшно...

Анархисты распоясались. По всей Европе они угрожают свободе и достоинству людей. Убит анархистом, вернувшимся из Америки (куда он эмигрировал), итальянский король-карлик¹. Мутная волна анархизма нахлынула из Европы и в США. И уже смертельно ранен несколькими выстрелами не то польского, не то мадьярского эмигранта-анархиста американский президент Мак-Кинли². Ветеран Гражданской Войны умирает спустя несколько дней.

Слабеет власть, падает уважение к ней – вот и шалют анархисты.

Где достоинство у человека из толпы, где его уважение к себе, к другим?

Смешались люди, сословия, кровь, достоинство, стиль, мысли, маски, горькие радости индивидуализма. Уходит в небытие прошлого старая элита. Образованные, свободно мыслящие, утонченные интеллектуалы.

Долой реализм, позитивизм, либерализм! Наш новый наркотик – потусторонняя ирреальность.

Даешь очищение от мещанства, быта, старого хлама! Долой уют и мещанство: фикус в кадке, герань на подоконнике, фортепиано, оранжево-рыжий абажур с бахромой! Долой Моцарта и Бетховена, короля вальсов Штрауса и старую музыку, и поэзию, и прозу тоже в придачу! Не нужны семейная затхлость, семейные драгоценности – да и семья не очень-то нужна! Это скучно, это все старо, как мир. Выкинем же в помойное ведро истории викторианскую

¹ Король Умберто I (1878–1900), прозванный в народе карликом – Напо – за маленький рост. Убит в июле 1900 г. анархистом Гаэтано Перши.

² Американский президент Уильям Мак-Кинли смертельно ранен анархистом из семьи польских иммигрантов венгерского происхождения Леоном Чолгошем в сентябре 1901 г.

мораль, а лучше, всякую мораль, несовременные манеры и нравы! Нам нужны сквозняк, свежий ветер, вихрь, буря, огонь, пожар, пушки, танки – мы устремились в черную воронку все очищающей войны! Какой шик!

Гимн войне, бунту, революции!

Какой смысл в борьбе за мир на европейских конгрессах в Гааге, зачем нужны антивоенные манифестации, если войны захотели сами люди?

Гибнет разум. Прогресс – не гарантия разумного поведения людей.

И захлебнулось достоинство человека.

Люди устремляются вслед за Синей птицей. Абсолютная истина снится им по ночам. Существует ли мировой эфир? Счастье во всемирном масштабе? Разум в абсолюте и сверхчеловек? А Скрижали мудрости? А Святой Грааль?

Мир захлестывает волна открытий. Брошен вызов атому! Он устремляется в бесконечность пустоты... Где абсолютная истина? Казалось, люди приблизились к ней... Ученые пытаются точно вычислить скорость света. Один математик определил иррациональное число π с точностью до более 700 знаков после запятой, а другой нашел ошибки где-то после 500-го знака. И тогда ученых посетила догадка: последовательность цифр в десятичной части π бесконечна, а само число трансцендентно. Но что же таит в себе я? Кладезь мудрости?

Числом π заинтересовался и какой-то пока мало кому известный ученый – Альберт Эйнштейн... О нем мало что знают, известно лишь, что он, кажется, разработал общую теорию относительности, но это трудно осознать... Странен его четырехмерный мир: к ширине, глубине и высоте он добавил еще и время.

Однако если все в мире относительно, то нет ничего прочного – призрачно все, зыбко вокруг. Как найти абсолютную истину? Или нет в этом мире абсолютных истин? А чему тогда верить? И кому тогда нужно верить?

Все, что можно было изобрести, уже изобретено! Сводит всех с ума вал открытий. Все телефонируют друг другу. Все повально слушают радио. Накрывает с головой вал Нобелевских премий за изобретения, литературный талант, борьбу за мир – их получают писатели, ученые, главы государств и правительств.

А по вечерам отовсюду слышны арии из «Богемы», «Мадам Баттерфляй», «Тоски», «Электры»... Люди ходят в театры, а гуляя по улицам, расппевают полубившиеся арии, насвистывают разлетевшиеся по всему белу свету мелодии любимых опер.

На сцене «Метрополитен Опера» дают «Сельскую честь» и «Паяцы», и там уже солировали чешская певица Эмма Дестин и несравненный итальянец Энрико Карузо... На сцене выступает Божественная Сара, и специально для нее великий мастер драмы Эдмон Ростан сочинил «Самаритянку» и «Орленка». Какой фурор произвела она недавно в пьесах Дюма-сына!

Все ходят в *синемаграф* на сеансы движущейся фотографии и смотрят короткие, конечно, всего-то минут на 15–20, не больше, синема. *Quo vadis? Последний день Помпеи*. А вот «Филм д'ар» великого Жоржа Мельеса «Галлюцинации барона Мюнхгаузена» продолжается почти целый час. Стоп-кадр, замедленная протяжка киноплёнки – сногшибательные спецэффекты!

Нам показывают кадры кинохроники... Это велогонки «Тур де Франс». И вот уже в них участвуют женщины – ничего себе! А посмотрите, что учудили раскрепощенные американки? В Европе все только и говорят, что о женской автогонке из Нью-Йорка в Филадельфию! Ну, так *эти* американки чересчур экстравагантны, очень смелы и уж слишком современны.

Ралли Монте-Карло – дух захватывает!.. Летящий с умопомрачительной скоростью прямо на публику в зале паровоз – ох! Даже как-то не по себе становится! Взрывающийся ввысь прямо на глазах неуклюжий аппарат братьев Райт... это уже совсем старая киноплёнка: их

полеты из Китти-Хоук близ Дейтона на *Wright Flyer-e* с аэродинамической трубой и тремя осями вращения планера.

А вот уже американец Глен Кёртис совершает полет на первом в мире гидроплане. Дирижабль на поплавках приземляется прямо на водную поверхность – не утонет?... Летящий через европейский Пролив с сумасшедшей скоростью французский пилот Луи Блерио. Долетит или упадет в воду? Ну, слава Богу, долетел!..

А вот под Парижем французский авиатор Анри Фарман поднимается на изобретенном им самим *фармане* в воздух, преодолевает по замкнутому маршруту заданное расстояние – и завоевывает приз в 50000 франков! А ну как сейчас грохнется прямо в зрительный зал?

Кадры быстро-быстро сменяют друг друга, словно смотришь фотографии – только они движутся. А вот еще киноплёнка. Это перелет россиянина Уточкина из Одессы в Дофиновку. Смелый авиатор должен подняться на своем *фармане*, пролететь одиннадцать верст над заливом и спуститься на землю в Дофиновке. Невысоко над водой летит аппарат Уточкина... Вот он оторвался от земли и, треща мотором, несется над морем. И тысячи зрителей-одесситов, собравшихся на берегу моря, а потом зрители синема в разных городах мира видят в лучах заходящего солнца велосипедные колеса аэроплана, бак и даже крохотную согнутую фигурку самого пилота, повисшую прямо над морем, кричат от восторга, рукоплещут...

А это что за ужас такой? Дредноуты! Жуткие сооружения, такие до сих пор только в кошмарах могли присниться... И опять английская кинохроника: маршируют британские солдаты, поют, раздаются слова веселой, почти легкомысленной песни:

*Its a long way to Tipperary, its a long way to go*³...

Кадры быстро сменились – и это конвейер на американском заводе миллионера Форда. Рабочие быстро-быстро собирают детали, конструируют машины. Да, но то в Америке, в Европе это новшество еще только обсуждается.

Вновь смена кадра – показывают торжественное открытие Симплонского туннеля. И как это его прорыли в самой горе? Длина целых двадцать километров – он самый длинный в мире! А на торжественной церемонии открытия присутствуют и высочайшие гости. Вот они на экране крупным планом – швейцарский президент и итальянский король. И надо же, какой король этот неуклюжий, голова непропорционально большая, а ноги совсем короткие, и красотой не блещет... Не случайно итальянцы за глаза называют его – *Schiaccianoci* – Щелкунчик! Меткое прозвище, надо признать.

И последние на этот день кадры синема. Российская Империя, Санкт-Петербург. Показывают царскую семью... Царь Николай II, царица, величественная, с холодной любезной улыбкой на красивом лице, – говорят, ее в Российской Империи не очень-то любят; наследник – царевич Алексей, высокий для своего возраста, миловидный мальчик. Все они исполнены достоинства – как величественно, как торжественно несут себя... Но она же слаба, эта власть! Это видно невооруженным глазом. Слабеет, угасает российская власть, воспринимается многими думающими людьми как ничтожная.

...А тапер синема знай наяривает фривольную мелодию магчиша а ля Феликс Майоль и Борель-Клерк...

Актрисы – *вамп*. Сегодня, в XXI веке, их назвали бы мега-звездами. На сеансе – загадочная *starle* Лида Борелли. Обворожительная Франческа Бертини. Томная Вера Холодная. Огненная Теда Бара. Несравненная Мэри Пикфорд, с ее всепоглощающей незэкранной любовью... Ее встречи и расставания, ее браки и разводы.

...Париж, Монмартр и Мулен Руж... Законодательницы мод, экстравагантные женщины-вамп умопомрачительной красоты – мороз по коже продирает от омута их бездонных глаз. Неправдоподобно расширенные белладонной или кокаином, а может быть, и тем, и дру-

³ Путь далёкий до Типперери – маршевая песня британской армии, появилась впервые в 1912 г.

гим, зрачки, взгляд, затуманенный или, наоборот, пронзающий насквозь, изощренно манящий, брошенный из-под густых длинных ресниц, отбрасывающих на пол-лица тени стрелами, и сулящий счастливому избраннику нереальное, неземное блаженство... А уж шляпки – ах!..

Непревзойденная актриса, огненная танцовщица, утонченная стриптизерша в восточном стиле, великая куртизанка, таинственная девушка-вамп – страстная парижанка, голландка, малайка, Бог знает! Она бесподобна, она окутана тайной, словно густой вуалью в мушках, она – умопомрачительная Мата Хари. Неуловимая шпионка, *шикарная* девушка, так любившая мужчин, особенно в военной форме, но не оставившая равнодушным ни одного встретившегося ей мужчину. Обольщение – вот ее безошибочный метод, интрига – вот ее неподражаемая дипломатия, цианид ртути – вот ее непробиваемое средство защиты своей свободы от ненужных ей детей, наскучивших связей, опостылевшей семьи, ненавистного мещанского быта. М-да!..

Лето. Париж, *синий час*, тонкая, как паутинка, дымка, голубоватый *флёр*, умопомрачительные шумные кафешантаны, дразнящая слух фривольная музыка. Всхлипы скрипки, вздохи виолончели... Старый утонченный – искрящийся радостью, призрачный, почти утраченный мир. Ох, уж этот Париж!..

А теперь? Редко-редко мелькнет где-нибудь там, в толпе, дорогой, пошитый у хорошего мастера ателье элегантный костюм... цилиндр... Ведь носить его недемократично, да и опасно, – ах, это аристократ! И все же... мода шантеклер, шляпки шантеклер с умопомрачительными перьями и оттеняющими взгляд полями, куафюр. Прощай, корсеты – это несовременно, и шик отсутствует! А юбки шантеклер – широкие в бедрах, узкие-узкие внизу и уже не в пол: хорошо видны ножки, обутые в изящные туфельки на каблучках, и тонкие шелковые чулки, и соблазнительные женские шиколотки... Как *шикарны* эти юбки шантеклер! Как неповторимы женщины в этих нарядах! И правильно говорят об этой эпохе современники: *Belle Époque*.

И снова Париж, и Всемирные Промышленные выставки – ой, как интересно! Всемирные достижения науки и техники – а это что? Ну-ка, продегустируем? Судя по всему, это шустовский⁴ коньяк «Фин-Шампань Отборный». Это ему был единодушно присужден Гран-при!

Или вот еще! Ну, радио нас уже не удивишь! А вот радиобращения с Эйфелевой башни – и куда?! На другой континент!

По улицам маршируют сумасшедшие суфражистки в костюмах мужского покроя, мужских ботинках с грубыми носами, с плакатами и массивными зонтиками в руках. Мы хотим свободы! Мы больше не хотим буржуазной семьи – мы желаем свободных от уз связей! Да здравствует свободная любовь! Мы хотим избирать тех, кто нравится нам, а не нашим мужчинам. Мы желаем любить тех, кого нам захочется, и столько раз, сколько нам захочется!

.. Так это же прославившаяся на весь мир Эмма Гольдман! Красная Эмма, бывшая подданная Российской Империи, уже несколько раз попадала в тюрьму в США, а несколько лет назад была лишена американского гражданства. Но из Америки ее изгнать пока не удалось – и она все не унимается, выступает с лекциями, воспекает анархию, половую распущенность и призывает к свободной любви. Ух, какой хоровод феминисток водит она здесь, в Европе – даже из-за океана это у нее выходит отменно! Она шикарна, она экстравагантна, она просто предел всему! Она независима и свободна, как ветер! И вот уж кого не упрекнешь в несовременности!

Ой, в ход пошли зонтики!

И ведь до чего же дошли! Феминистки Лондона дубасят зонтиками министра Черчилля!

Однако... Мужчина решает, куда и когда, и с кем поехать женщине отдыхать, с кем и как проводить свободное время, сколько ей иметь детей и как распорядиться собственным иму-

⁴ Шустовы – русский дворянский род, восходящий к началу XVII века и записанный в VI часть родословной книги Курской губернии. Занялись предпринимательством и стали успешными. Построили коньячные заводы в Армении, на Украине (Одесса), в Москве.

ществом. Женщина же не может вообще ничего – она не имеет даже права требовать развода, когда муж надолго покидает семейный очаг и супружеское ложе.

Феминисток сажают в тюрьму – а они объявляют голодовку. Их кормят насильно через питательные трубочки, отпускают домой отдохнуть – а они хулиганят, попадают за решетку...

Однако у женщин-суфражисток серьезные намерения – они уже выступают за свои права на международных конгрессах. Копенгаген... Амстердам... И вот уже в Великом княжестве Финляндском женщинам предоставляют избирательные права наравне с мужчинами. Но в большинстве стран все это неосуществленная женская мечта.

На улицах европейских городов все меньше ландо, карет, пролеток – зато повсюду громяют громоздкие, неповоротливые сооружения, воняют, гудят, издают оглушительные звуки – а-автомобили, ка-кая гадость! Их становится все больше, больше... Господи, куда же они так летят! Однако надо, пожалуй, смотреть по сторонам и ходить осторожнее, ведь под машины уже попадали несчастные пешеходы!

Неужели они приживутся?

А что же элита, старая и новая?.. Вера в потусторонний мир. Таинственные кружки, собрания в Париже, Берлине, Петербурге. Обсуждают идею Прогресса, секреты оккультизма и нумерологии, тайны Тибета и Шамбалы – столь велико обаяние Востока. В кружках жарко спорят, развивая теории деволуции и творческой эволюции, а теорию Дарвина предлагают выбросить на свалку истории. Они говорят о ноосфере, панспермии, развивают идеи Плотина⁵ и неоплатоников, критикуют импрессионизм Леруа, творческую эволюцию Анри Бергсона⁶, идеи нобелевского лауреата Сванте Аррениуса... Интерес к этим проблемам зашкаливает. Да... Ведь и сто лет спустя, в начале XXI века, об этом будут писать, говорить, показывать в популярнейших программах по телевизору... Какие-то медиумы занимаются астрологией, эзотерикой, столоверчением, спиритизмом, вызывают из потустороннего мира неподдающиеся рассудку и несуществующие в нашем подлунном мире пугающие энергетические эфирные сущности – прямо *тень несозданных созданий... на эмалевой стене*⁷. Ангелы и архангелы, тонкий мир и энергетический уровень бытия – и полная тайн, никем не виданная чудесная страна Гиперборея или Атлантида, или Шамбала... Поиски пути в параллельную реальность. В этих кружках вызывают духов предков, читают «Тайную доктрину» госпожи Блаватской, обсуждают шокирующее заявление герра Ницше о том, что Бог умер и рождается сверхчеловек, вспоминают катрены Нострадамуса... А еще изучают магию, каббалистику, занимаются сатанизмом, поклоняются Пустоте, Черному квадрату, Князю Тьмы... И число таких обществ постоянно растет: вот недавно в Вене образовалось некое оккультное общество Туле... Какое-то умопомрачение – и это в XX веке!

В кружках поклоняются новым Богам – ими стали Разум, Прогресс. Верят в безграничные возможности человеческого Разума.

А кому-то удастся даже соединить Разум с потусторонним миром. Ничего странного. Если возможности человека ничем не ограничены, то ему подвластны и потусторонний мир, и эфирный тоже.

Возможно ли связать воедино эзотерические учения и веру в Прогресс?

Оказывается, возможно.

А вот... прямо на первой полосе! *Титаник!!!*

⁵ Плотин – философ, создавший в Египте в III в. философскую школу и учение – неоплатонизм. Идеи Плотина вдохновляли средневековых мистиков, художников Возрождения и поэтов Серебряного века, а его философия нацелена на поиск красоты.

⁶ Анри Бергсон (1859–1941), выдающийся французский философ, психолог, писатель, издал в 1907 г. нашумевшую книгу «Творческая эволюция».

⁷ В. Я. Брюсов. Творчество.

«15 апреля... Незадолго до полуночи с 14 на 15 апреля комфортабельный британский лайнер «Титаник», самый большой из всех когда-либо сходявших с доков, который всего за несколько дней до того совершил успешное пробное плавание, а 10 апреля вышел из гавани в Саутхэмптоне, что в Великобритании, с заходом в Шербур вечером того дня, чтобы отправиться в свой первый рейс через Атлантику к берегам США, неожиданно натолкнулся на айсберг. Спустя всего два часа сорок минут после этой ужасной, ставшей роковой, встречи гигантский корабль затонул в 2 часа 27 минут ночи близ берегов Ньюфаундленда. Из 2224 находившихся на борту пассажиров погибли 1513 (по другой версии 1502) человек! Выжили всего лишь 710 пассажиров».

Какой кошмар! А ведь всего месяц назад эти англичане такую шумиху подняли! Пробное плавание, непотопляемый корабль, новая эпоха в истории мореплавания...

Рушится старый мир.

Титаник совершал плавание в США. Америка... Слишком она молодая, кипучая. Американцы пышут здоровьем, свободны, энергичны, предприимчивы. Чересчур предприимчивы и независимы для Старого Света и вечно пребывают в поисках новизны – старушка Европа переносит это с трудом.

...А это что такое? Летняя танцверанда, и пары, сливаясь в восторженном сексуальном экстазе, то медленно, то все ускоряя темп, страстно касаясь друг друга бедрами, совершают синхронно не вполне приличные движения... И звучит сладкая и огненнострастная, чувственная и томительно-волнующая, захватывающая, пронзительная и сентиментальная, взлетающая ввысь на гребнях волн наслаждения и увлекающая в сулящие забвение невообразимые дали, обволакивающая мелодия... Танец-дуэль, танец-спор, танец-вихрь, танец-соитие.

Но ведь это же та самая непристойная рептилия, которой недавно очаровал европейские столицы никому до того не известный сеньор Энрике Саборидо из Аргентины или Уругвая, да Бог его знает? Конечно же, это танго! Пламенная Ла Морча, Неувядающая, которую он, без памяти влюбленный, посвятил королеве танго неотразимой Лоле Кандалес...

Скажи-и-те на милость, какое неприличие! Безнравственный танец! Это не *комильфо*. Низменно! Непристойно! Омерзительная рептилия.

Викторианцы шокированы. Правда, они несовременны и ничего не понимают в шике...

Безумие. Эпидемия танго.

Какой шик!

...А далеко-далеко, за морями, за долами, за горами, за реками уже пахло порохом. Раздавались одиночные выстрелы, погромыхивали взрывы... Но никто этого не слышал, не чувствовал, не замечал...

* * *

Тогда, сто лет назад, чувство грандиозности, величия овладело значительным количеством людей на земном шаре, и произошло это почти внезапно.

Где потерялось достоинство старого мира? Человек разменял свое достоинство на грандиозность и атеизм, на свободу и равенство любой ценой, на вседозволенность, неуважение к жизни человека. А на сдачу получил мелкое честолюбие, расплескал достоинство на пути к величию.

Разум и прогресс в начале XX века? Самонадеянный оптимизм, вера в вечный мир затянули Европу в бесконечные кризисы, толкнули в кровавую воронку войны. Человечество, как гадаринские свиньи, шагало к пропасти – и ничего не замечало. *Belle Epoque!*

Потерявший себя где-то на крутых горках двадцатого века Разум прятался от самого себя, от прогресса, играл с ними то в жмурки, то в салочки. Разбилась вдребезги идея божественного происхождения власти, и люди перестали уважать монархов, затем вообще всякую власть, а

часто – самих себя. Человек с улицы бросил вызов аристократии. Массовый век вызвал на бои без правил старую элиту, прицелился в глаз элите вообще. А в России власть слабела с каждым месяцем, днем, часом. Власть, словно снулая рыба, судорожно зевала, тарасила свои полумертвые, уже подернутые мутной, белесой, застывающей на глазах пленкой глаза... а потом она умерла.

Но и повсюду в Европе уходили в прошлое индивидуализм, голубая кровь, хорошее происхождение, образованность, достоинство и нравственность, да и теория Дарвина, а ля Томас Хаксли, оказалась как нельзя кстати. А после мировой войны разные страны пошли разными путями. Свобода – старая, как мир, мечта, старый кумир, напяливший на себя почти не узнаваемые шутовские одежды, – свобода захлестнула мир огромной мутной волной. Кто-то сумел выплыть, не захлебнувшись в отвратительной горько-соленой жиже...

Судьба других была определена как минимум на столетие.

Какой шторм свободы поднялся в нашей стране! Захлестнули ее, затопили волны неуправляемой свободы. Шутовской колпак нацепила она себе на голову.

Даешь швободу!!!

Гопникам захотелось швободы.

Что заставило этих людей терять человеческий облик?

Вылезла из щелей и дыр, показала острые клыки социальная зависть.

Вы хотели сильной власти? Она придет скоро. Пройдет немного лет – вы получите сильную власть. Вы хотели свободу-анархию? Получайте произвол и диктатуру! Советская страна устремилась на покорение пространства, а заодно и времени, растаптывая достоинство простого человека. Но... по плечу ли покорить пространство и время обычному смертному, даже если он Вождь всех Времен и Народов?

За величие диктаторов XX века, за близость коммунистического Завтра придется расплачиваться в течение столетий. И не только России.

...И вдруг замаячило на заднем плане злое сооружение гильотины, показались в отдалении красные фригийские колпаки якобинцев и косою острый нож убийственной конструкции. Вот оно! Всего через несколько секунд неумолимый нож падет на склоненную голову, отсекая ее очередной жертве...

Не дай Бог попасть в эпоху Террора! Неважно, какой чеканки – якобинской, сталинской, нацистской.

Какая опасность может угрожать сегодня? Эпоха диктатур прошла, они остались в XX столетии, а история едва ли повторится, в точности воспроизведя старую модель власти. Хотя... иногда эта затейница выкидывает такие номера, что диву даешься.

* * *

Мы пришли туда из будущего – сто лет спустя.

Виктор Мальков

Россия и мир, 1914-1918

Пространство времени в

воспоминаниях, дневниках и письмах

Россия – страна всех возможностей, сказал кто-то.

И страна всех невозможностей, прибавлю я.

З. Н. Гиппиус. Дневники

Эрик Хобсбаум – «последний сталинист», как дружески-шутливо называл его американский историк А. М. Шлезингер-мл., в своей книге «Век экстрима», говоря о «коротком XX веке» (1914–1991), писал, что Великая война и ее последствия (и среди них в качестве ключевого события – Октябрьская революция 1917 года в России) дали толчок экономической и социальной трансформации, полностью изменившей лицо человеческой цивилизации⁸. «Позолоченный XIX век» для одних, по словам Хобсбаума, растворился без остатка в ностальгических воспоминаниях: «позабудь про камин, в нем погасли огни». Для других, как писал «ранний» Томас Манн, он становился объектом «наглого пренебрежения»⁹, поскольку по их представлениям он разоружил и обезволил человечество перед лицом грядущих испытаний, усыпив его бдительность в отношении скрытых мотивов сил разрушения, коренящихся в изъянах человеческого духа, погрязшего в самодовольстве и филистерстве. Третьи, мечтая о «царстве свободы» в государстве-утопии, рассуждали в терминах теории империализма, по их мнению, раскрывающей все глубинные причинно-следственные связи в процессе назревания гигантского конфликта интересов и раскола мира на враждебные блоки.

В форме рабочих идеологем и военных доктрин распространялись планы возвышения одних стран за счет других, вытеснения конкурентов с сырьевых рынков и торговых плацдармов, захвата стратегически важных территорий и позиций на суше и на морях, идеологической и культурной экспансии. В «тепличных» условиях притворно романтического мирного времени подспудно накапливались идеи реваншизма и национального превосходства. И тем не менее знаком эпохи, общим для всех становились реальные социальные и правовые достижения ведущих, «передовых» держав на всю глубину общественных структур и договорных отношений. Реформы коснулись государственного устройства и органов местного самоуправления (включая полицию и судебную систему), фабрично-заводского законодательства, систем социального страхования, демократизации общеобразовательной школы и вузовского обучения, коррекции земельных отношений и содействия крестьянским кооперативам, поощрения свободомыслия, партийных перегруппировок с выходом на авансцену оппозиционных левых партий, избирательных прав, гендерных отношений и т. д. Межконфессиональные и межэтнические отношения оставались напряженными, все привилегии сохранялись за титульной нацией, но и то и другое контролировалось правительствами, где больше, а где меньше законодательно закрепляющих права нацменьшинств.

Нельзя не сказать и о внедрении систем финансового регулирования и даже об экспериментах с занятостью, системой вспоможествования и пенсионного обеспечения.

Европа и Северная Америка обустроивались, приобретая вполне респектабельный, привлекательный вид. Этим процессам сопутствовал не только рост грамотности населения, но и сдача экзамена на зрелость имущими классами, показавшими себя заинтересованными в рас-

⁸ Hobsbawm E. The Age of Extremes. A History of the World, 1914–1991. New York, 1994. P. 5, 6.

⁹ Манн Т. Письма. М., 1975. С. 25.

пространении научного знания и не только. В полном соответствии с изменением архетипа национального патриота проходило движение от гуманности через национализм к зверству (как писал Альфред Вебер). Культ науки прямым путем вел к модернизации вооружений, флотов и армий, что становилось в духе времени первейшим показателем культурности и благополучия наций, их успешности в целом. Реально, как это ни парадоксально, на этой модернизации до поры до времени держался баланс сил в мире, эффективность дипломатии и устойчивость режимов. Складывался механизм манипулирования массовым сознанием, его милитаризации и привычка к ранжированию народов по расовому принципу.

Возник феномен, который можно было бы (с оговорками) обозначить понятием *пространства времени*, охватывающего синхронно проходившие в различных странах и примерно одноплановые для западного и опосредованно восточного мира трансформационные процессы, закрепляющие достижения гражданского общества и развития личности, благодаря расширению коммуникационных связей, туризма, динамично повышающейся потребительской способности масс и тяги к просвещению и обмену знаниями, а также пока только первых признаков стирания различий между сословиями и классами, богатыми и бедными. В этих более или менее последовательно осуществляемых преобразованиях отчетливо угадывались контуры нового мира. Быть его провозвестником открыто претендовали США с их «Американской мечтой». Э. Хобсбаум пишет, что «Человечество (в целом. – В.М.) находилось в ожидании альтернативы». Оно пыталось заглянуть в будущее с тем, чтобы узнать, каким это будущее будет.

То же «ожидание альтернативы» пронизывало и русскую интеллектуальную среду. Однако в политике оно оставалось слабо выраженным. З.Н. Гиппиус в предисловии (1920 г.) к своим знаменитым «Дневникам» писала, что продвижение новых идей в живую российскую действительность было делом призрачным. «Партия конституционно-демократическая (кадетская) единственно значительная либеральная русская партия в сущности не имеет под собой никакой почвы. Она держалась европейских методов в условиях, ничего общего с европейскими не имеющих»¹⁰. В России, по образному выражению той же Гиппиус, «партийно-молчащей самодержавной» дать выход волеизъявлению масс и придать ему рационально-правовой характер оказалось невозможным.

Цепкость традиционного уклада вопреки революционизирующим тенденциям эпохи перехода к индустриализму оказалась сильнее самых влиятельных веяний в пользу модернизации. В своем письме к той же Гиппиус в разгар столыпинского правления 18 июня 1907 года другой русский литератор Валерий Брюсов в немногих ярких словах охарактеризовал символ времени, переживаемого Россией «Слева бомбы, и грабёж, бессмысленный и пьяный, справа – штыки и виселицы, дикие и грубые, в центре усы Головина (председатель 1-й Государственной Думы. – В.М.) и кадетский радикализм «Перевала». Нет путей – ни влево, ни вправо, ни вперед – разве назад!»¹¹ Длительность застигнутой страны безвременья никто предсказать не мог. Впереди ждало убийство Столыпина, Ленский расстрел, Распутин и роспуск 4-й Государственной Думы весной 1917 года и, наконец, как писал Герберт Уэллс, «колоссальный непоправимый крах»¹².

Между тем из истории стран Запада можно привести немало ярких примеров целенаправленной практической работы по устранению препятствий для обновления государственного устройства и межклассовых отношений в конце XIX – начале XX века. Один из наиболее заметных – Германия.

¹⁰ Гиппиус З. Дневники. Воспоминания. Мемуары. Минск, 2004. С. 5.

¹¹ Цит. по Брюсов В.Я. Литературное наследство. Т. 85. М., 1976. С. 698.

¹² Уэллс Г. Россия во мгле. М., 1958. С. 10.

Теобальд фон Бетман-Гольвег, с 1909 по июль 1917 года находясь на посту главы имперского правительства Германии, последовательно проводит свою политику «диагонали», что означало рекалибровку капитализма путем дозированного включения социал-демократии в государственные структуры и создание коалиции общественных сил – от левых до правых. Во внутренней политике он широко использовал достижения леволиберальной общественной мысли (П. Брентано, А. Вагнер, М. Вебер), выводя необходимость внутренних реформ не только из общих правовых принципов и норм, но и из пресловутых национальных интересов имперской политики. Он делал, как тогда говорили, «левую политику правой рукой». Укреплением парламентаризма, предупредительностью в отношении рабочего движения, внедрением идей социального партнерства во многом Германия обязана длительному пребыванию Бетман-Гольвега на посту канцлера. *Только в годы войны*, констатируют немецкие исследователи, выросло отчуждение между рабочими и работодателями, которые стали восприниматься в обществе не как представители «национального производящего капитала», а как «промышленные магнаты». Вот тогда-то «народная общность» затрещала по швам. Но это случилось уже в 1918 году, до этого «диагональ» Бетман-Гольвега сделала ее вполне реальным фактом вплоть до поражения в войне. Но она же привела к переменам и в системе управления хозяйственной жизнью.

Здесь не место углубляться в ситуацию с изменениями в процессе реформаторской деятельности лево-либералов и прогрессистов в США в конце XIX – начале XX века в период президентства У Маккинли, Т. Рузвельта, У Тафта и В. Вильсона или либералов в Англии, давших истории таких ярких реформаторов как Асквит и Ллойд Джордж. Скажем только, что «Прогрессивная эра» буквально перестроила демократию в Америке за счет усиления представительства среднего класса в органах власти, влияния прессы, появления организованного движения рабочих, афроамериканцев, женщин, фермеров. Война замедлила этот процесс, даже отбросила его назад, но институциональные изменения, касающиеся, например, избирательных прав, судебной системы, трудового законодательства, финансового регулирования оставались фактически неизменными. Аналогичные примеры можно было бы привести в связи с гражданским и политическим развитием десятка других стран, включая Англию, Францию, Бельгию и Японию.

По контрасту с этим стандартом модернизации Россия, пройдя (скажем словами В. О. Ключевского) через полосу недобросовестно исполненных «великих реформ» Александра II и контрреформ, связанных с именем его сына Александра III, не смогла вписаться в мировой прилив реформаторства, задуманного с прицелом на будущее, непосредственно предшествовавшего 1914 году и захватившего частично войну, особенно в области экономики. Для нее переход к социально-экономическому дирижизму был затруднен многими причинами, в том числе культурной отсталостью, массовой безграмотностью, сопротивлением владельцев зарождавшейся тяжелой индустрии и доморожденных «юнкеров», которые принять этот путь, как признавал В. М. Чернов, оказались не способны¹³. Догоняющий тип развития был сохранен и в кризисный момент истории 1914–1918 годов, в очередной раз подтвердив неизменность традиционному мышлению, т. е. упованию на авось и фаталистическому безволию. «Россия, – писал В. О. Ключевский еще в 1898 году, – на краю пропасти. Каждая минута дорога. Все это чувствуют и задают вопросы, что делать? Ответа нет»¹⁴.

Прошло еще 10 лет, а ответ так и не был найден. Продолжался процесс насаждения «хаоса государственного разложения», если воспользоваться словами известного правоведа и политика В. А. Маклакова, сказанными им во 2-й Государственной Думе в 1907 году в ходе

¹³ Чернов В. М. Перед бурей. Воспоминания. Мемуары, Минск, 2004. С. 332, 333.

¹⁴ Ключевский В. О. Афоризмы... С. 61.

дебатов по поводу военно-полевых судов¹⁵. Характерно, что П. А. Столыпин поставил себе в заслугу «заговаривание» этого ключевого вопроса в Думе. В письме Николаю II от 4 марта он написал: «Нам удалось свести вопрос (о военно-полевых судах. – В. М.) на нет». Он знал, чем понравиться царю, но так и не сумел стать его фаворитом.

Между тем, от здравомыслия самодержца, от скорости операционного мышления его окружения зависело очень многое. Однако препятствий на «конституционной дороге», которую начертал П. А. Столыпин, будучи председателем Совета министров, оказалось слишком много, да и он сам, по словам современника, к переменам скоро «остыл». Следует признать вместе с тем, что все было значительно глубже и сложнее, нежели архаизм государственного мышления последних Романовых или усталость кучки мыслящих советников, нежели тактические ошибки, нерешительность и проволочки думских партий, передавших Временному правительству в марте 1917 года страну, как выразился эсер и его видный член В. М. Чернов, «полную вопиющих неудовлетворенных потребностей»¹⁶.

Буквально накануне войны, в дни июльского кризиса 1914 года страна переживала глубокий психологический стресс и отсутствие ясного целеполагания, о которых сегодня почему-то не принято говорить, как будто бы все наладилось и вошло в полосу благоденствия благодаря подъему экономики и урожаем. «Не могу ни в чем разобраться, ничего не понимаю, ошеломление», – писала 1 августа 1914 года (по старому стилю) Гиппиус. – Повсюду беспорядки, волнения». Одни говорили об «органическом» начале революции против самодержавия, другие – о солидарности с ним на волне патриотического подъема. Однако четкое представление о том, что делать, отсутствовало и пришло много позднее, уже в разгар военных поражений на фронтах Великой войны, открывших тягостные раздумья и хождение по мукам. Одним словом, правящая верхушка России и думская оппозиция оказались в состоянии духовного ступора, уповая на чудо, отвергая саму возможность революционных перемен и сосредоточившись на агитации за полную победу, на критике пороков дворцовой знати и одиозных фигур в окружении царя.

Падение самодержавия пришло как бы само собой, однако думская оппозиция, едва придя в себя, не нашла сил, чтобы осмыслить произошедшее и сосредоточиться на главных, неотложных задачах. Очень ярко и убедительно об этой пустотелости интеллектуальной элиты России даже в дни роковые для страны сказано в дневниковой записи от 28 декабря 1915 года французского посла Мориса Палеолога. Вот она: «За те почти два года, что я живу в Петрограде, одна черта поражала меня чаще всего при разговорах с политическими деятелями, с военными, со светскими людьми, с должностными лицами, журналистами, промышленниками, финансистами, профессорами: это неопределенный, подвижной, бессодержательный характер их воззрений и проектов. В них всегда какой-нибудь недостаток равновесия или цельности; расчеты приблизительны, построения смутны и неопределенны. Сколько несчастий и ошибочных расчетов в этой войне объясняется тем, что русские видят действительность только сквозь дымку мечтательности и не имеют точного представления ни о пространстве, ни о времени»¹⁷.

В мемуарах В. М. Чернова говорится, с чего следовало бы после падения самодержавия начать в России «перебелять начисто» черновик истории. С решения аграрного и рабочего вопросов. Но как сочетать его со строительством новой власти и одновременно сохранить Россию в войне – никто не знал. Создание подобия «нового земельного режима», изменение на «европейский манер» положения трудящихся в городах оказалось не по плечу политическому классу России, одушевленному оной мечтой – оставаться в строю с союзниками и воевать «до

¹⁵ Маклаков В. А. Вторая Государственная Дума. Воспоминание современника. М., 2006. С. 140.

¹⁶ Чернов В.М. Перед бурей. Воспоминания. Мемуары. Минск. 2004. С. 389.

¹⁷ Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 234.

победы». Чернов усматривал в пропасти, отделяющей российских магнатов промышленности от рабочих, в их упрямом отказе от уступок в стиле ллойд-джорджизма прямой предвестник гражданской войны, «которой никакими закланиями никто остановить был бы не в силах».

Охотнорядская психология российских денежных мешков (за некоторым исключением) не позволяла следовать примеру западных либералов от большого бизнеса, в нужный момент способных мимикрировать в чадолюбивых пастырей промышленных империй. Известный писатель и публицист М. Н. Арцыбашев, после революции игравший в эмиграции очень заметную роль, писал, что она (революция) «могла быть предотвращена или по крайней мере надолго отсрочена», если бы не отказ Николая II принять решительные меры в социально-экономической области и его нежелание иметь дело ни с Думой, ни с печатью, ни с Церковью. «Он этого не сделал, – писал Арцыбашев, – с одной стороны, не идя ни на какие уступки, а с другой – терпя оппозиционную Думу и печать, почти революционную»¹⁸.

Мы уже говорили, что накануне войны Россия оказалась в фазе высокого экономического подъема, но неимущим слоям населения страны права участвовать в результатах этого подъема дано не было. Распределение благ и привилегий их не коснулось. Сам Николай II вопреки всем правилам рисовал положение своих подданных летом 1914 года в самых мрачных и, пожалуй, самокритичных тонах. Это редкое признание мы находим на страницах воспоминаний московского генерал-губернатора, шефа жандармов и приближенного к царю В. Ф. Джунковского¹⁹. «Бездарный царизм» (Г. Уэллс) в годы войны усугубил страдания тех, кто воевал и тех, кто оставался в тылу.

Постепенно уже в годы войны медленно нараставший после затишья летом и осенью 1914 года конфликт в общественном мнении России. Далеко не все хотели вслед за Николаем II «тихого и безмолвного жития». Эти настроения содействовали возникновению предпосылок реального осуществления повестки дня, близкой к европейскому образцу и целям, таким, например, как 8-ми часовой рабочий день, что было стандартом нового цивилизованного мира XX века. Ликование по поводу начала «короткого XX века» после залпов августовских пушек 1914 года должно было бы напомнить дворцам о тех, кто призван был, с энтузиазмом приняв на себя миссию защитников отечества, занять в конечном итоге отведенное им историей положение. Положение не просто подданных его величества, но полноправных граждан России²⁰. Но как оказалось, только революция (каким бы кратким этот период, прерванный Термидором, ни был) открыла клапан, перекрывающий доступ низам к законотворчеству и социальному лифту, долго недоступному в силу ограничений в правах на равенство возможностей, узурпированного верхушкой общества, всеми силами цепляющейся за сословные различия и религиозно-автократические методы управления страной. Стоит процитировать фрагмент из книги воспоминаний Г. К. Гинса – участника и свидетеля событий, занимавшего должность главного юрисконсульта Министерства продовольствия Временного правительства, а затем в январе 1918 года занявшего высокие посты в Омском правительстве адмирала Колчака: «Революция, уничтожившая сразу все социальные перегородки: дворянство, национальные ограни-

¹⁸ Арцыбашев М.Н. Заметки писателя // Литература русского зарубежья. Антология в шести томах. Т. 2. 1926–1930. М., 1991. С. 451.

¹⁹ Джунковский В.Ф. Воспоминания. В двух томах. Т. 2. М., 1997. С. 282, 283.

²⁰ Кризис монархии в России – особая, большая тема. Ее здесь касаться не будем. Скажем только, что бывший министр юстиции И.Г. Щегловитый в своем качестве председателя Совещания монархистов в столице высказался весьма откровенно: «В монархии монархистов только небольшая кучка». О запущенности всех государственных дел в годы войны предельно ясно сказано в воспоминаниях В.Н. Коковцева, до января 1914 г. работавшего на посту председателя совета министров. «Не хочется вспоминать (однако Коковцеву, как видим, пришлось это сделать. – В.М.) и всего того, что произошло в делах внутреннего управления, того развала власти, который мне пришлось наблюдать. Об этом так много написано, столько появилось личных воспоминаний, частью правдивых, частью окрашенных предвзятостью, настолько все это блекнет теперь перед последствиями катастрофы, сгубившей Россию, что не хочется вносить и мою личную оценку в рассказ о том, что пережито и передумано, чего не изменишь и с чем никогда не примиришься» (Коковцев В.Н. Из моего прошлого 1903–1919. Минск, 2004. С. 776).

чения, чины, последовательность прохождения должностей – открыла свободный путь к власти и общественному влиянию самым простым людям. Эта перспектива блестящей карьеры, в таком масштабе ставшая возможной только при большевистском режиме, кружит голову и опьяняет молодежь, быстро достигающую самого высокого положения не только благодаря талантам, но и в награду за неразборчивость средств и просто преданность власти. Так создается новая аристократия, накапливающая богатство всеми путями, жадная и безжалостная»²¹.

Характерно, что объясняя желание русского офицерства оставаться в «большевизии» (термин, придуманный Гинсом) и служить в Красной Армии, Гинс говорит об его враждебном отношении к союзникам, которые «казались многим не друзьями, а врагами России», и тяготении к Германии как к стране «обиженной и способной на более искренний и тесный союз в Россией...»²² Совершенно не случайно в знаменитых «Очерках русской смуты» А. И. Деникина возникает и нелюбимый отзыв о французской политике, и особое отношение к представлениям «французских государственных людей» о русской политике, которая «мыслилась только в свете прогерманских или профранцузских аспираций»²³.

Мотивации большевиков и левых эсеров как главных могильщиков наследия царизма и побудителей рывка из отсталости к уровню ушедшей далеко вперед Европы посвящает центральную главу своей последней книги Эрик Хобсбаум (глава 2. Мировая революция). Радикализм экономических лозунгов и внеисторической утопичности большевиков вырос из стихии антивоенного бунта и фетишизации идеи управляемости обществом и прежде всего экономикой, коллективной волей и разумом²⁴. К истории и теории вопроса прямое отношение имели и рассуждения Питирима Сорокина, высказанные им задолго до Хобсбаума и других левых интеллектуалов в брошюре 1923 года. «Современное состояние России»²⁵, где он говорил об этатизации – коммунизации (или огосударствлении) как прямом и неизбежном следствии войны, голода и разрухи. Вообще процесс огосударствления, вынужденной централизации и перехода к регулируемой экономике принимал в воюющих странах широко распространенный характер. И ярче и полнее всего он проявил себя в Германии, в кайзеровском «военном социализме». Большевистские же новаторы, не страдавшие властебоязнью, с их максимализмом, как считал тот же П. Сорокин, лишь «гениально примазались» к историческому процессу, придав ему сумасшедшее ускорение²⁶.

Воспетый большевиками культ силы (если не считать нюансов) был присущ России и Германии, Англии и США, большевикам и меньшевикам, вильсонистам и республиканским оппозиционерам в Конгрессе США, членам Пангерманской лиги и Христианско-социальной рабочей партии Штеккера в Германии. В защиту идеи создания механизма, регулирующего всю хозяйственную жизнь, насильственно насаждающего дисциплину и порядок на фронте и в тылу выступил в июле 1917 году. И. Г. Церетели, вождь меньшевиков. Просто гимном репрессиям, «которые, – говорил он, – мы считали похороненными навсегда» стала его речь на пленарном

²¹ Книга воспоминаний Г.К. Гинса написана по свежим впечатлениям пережитого в 1920 г. и впервые издана в 1921 г. в Харбине (см. *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории 1918–1920 гг. Впечатления и мысли члена Омского правительства. М., 2013. С. 506).

²² Там же. С. 499.

²³ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Вооруженные силы юга России. Заключительный период борьбы. Январь 1919 – март 1920. Минск, 2004, С. 28.

²⁴ *Тютюкин С.В.* Меншевиизм: страницы истории. М., 2002. С. 414.

²⁵ *Сорокин П.* Современное состояние России. Прага, 1923; см. также Сорокин П. Социальная и культурная динамика. Санкт-Петербург, 2000. С. 595, 596.

²⁶ Питирим Сорокин был беспощадным критиком большевизма и Советской России. Его слово ценилось и пользовалось большим влиянием, хотя оно и вызывало возражение многих хорошо знакомых с большевистским экспериментом русских интеллектуалов его же класса. Они отмечали, что Сорокиным осталась незамеченной главная черта революции – «колоссальная встряска масс», которая, по убеждению П.А. Кропоткина, в конечном итоге способна была, вызволив Россию из сна, пробудить в ней витальную силу, необходимую для начала масштабной реконструкции.

заседании ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и исполкома Всероссийского совета крестьянских депутатов. «Мерами репрессий и даже применением смертной казни, – говорил он, – должны мы спасти страну и революцию и наносить удары очень близко от демократических организаций революции»²⁷. Тем не менее, это не мешало Церетели и другим в традициях всегдашнего российского раскола обвинять большевиков в экстремизме и терроризме, в нереалистичности и пустозвонстве.

Однако пространство времени, очерченное завершающей фазой Великой войны и ее прямыми последствиями, вместило самые благоприятные условия для приближения «светлого будущего» в реальном и мифологизированном виде.

²⁷ Меньшевики в 1917 году. В 3-х томах. Под общей ред. З. Галили, А. Ненарокова, Л. Хаимсона. Т. 2. М., 1995. С. 159, 160.

Марианна Сорвина

Предупреждение судьбы

Гулльский инцидент или первый

опыт решения военного конфликта

Существуют в мировой истории такие события, которые иначе как «зловещим предупреждением» назвать нельзя. К ним можно в полной мере отнести *Гулльский инцидент*, случившийся в Северном море в полночь на 9 (22) октября 1904 года. Сейчас уже мало кто помнит, что тогда возникла взрывоопасная ситуация, которая могла еще в самом начале XX века привести к мировой войне и стала для русской эскадры роковым предзнаменованием конца, своего рода предупреждением свыше.

В районе так называемой *Доггер-банки*, неподалеку от Гулля, британские рыболовные суда подверглись обстрелу со стороны русских военных кораблей Второй Тихоокеанской эскадры, образованной 17 апреля 1904 года и состоявшей из разнородного отряда военно-морских судов.

Эскадра

Русско-Японская война была в самом разгаре, Первая Тихоокеанская эскадра терпела поражение, и наспех сформированную Вторую эскадру направили на Дальний Восток в помощь защитникам Порт-Артура.

Ядром эскадры стали семь броненосцев: четыре новых («Аврора», «Жемчуг», «Изумруд», «Олег»), два старых («Дмитрий Донской», «Светлана») и вооруженная яхта «Алмаз», практически не имевшая бронированного покрытия. Русские броненосцы шли в сопровождении девяти эскадренных миноносцев²⁸, восьми крейсеров и группы вспомогательных кораблей.

Вступая в войну, Россия переоценила свои силы, и трагическим результатом этого просчета стали потери русских возле Порт-Артура в первые два месяца войны. Занимавшая самую большую территорию на континенте империя имела три флота – Черноморский, Балтийский и Дальневосточный, однако в 1904 году обладала плохо оснащенной и мало обученной армией. Ее флот находился на третьем месте по величине. Ведущими морскими державами были Великобритания, Франция и Германия. Итальянцы имели небольшой флот, преимуществами которого считались техническое оснащение и эстетика оформления. Такие эксперименты с архитектурными излишествами стали бедой французского флота, лишившегося части кораблей, которые затонули из-за неудобных конструкций. США же в начале века больше уделяли внимание собственным прибрежным границам и в общую конкуренцию не вмешивались. Япония, наоборот, выросла как морская держава, тем более что ее техническим оснащением и обучением ее морских офицеров занимались англичане.

Три флота России, расположенные далеко друг от друга, уже создавали проблему для общей координации действий, но при этом каждый из трех имел свои внутренние трудности развития и обучения. Черноморский флот казался наиболее подходящим для проведения военных маневров в теплом климате, но был не слишком мобилен из-за связывавших его международных договоров и обязательств. Балтийский флот находился на севере и большую часть года простаивал из-за скованных льдом пространств, что лишало его необходимой подготовки.

²⁸ Миноносцы – «Бедовый», «Безупречный», «Блестящий», «Бодрый», «Бравый», «Бурный», «Быстрый», «Грозный» и «Громкий».

Однако именно Балтийский флот, база которого находилась в Кронштадте, стал источником подкрепления для сражавшихся на Востоке моряков.

Предстояло решить поистине фантастическую задачу: для укрепления терпящего бедствия Дальневосточного флота перебросить российские корабли на другую половину земного шара – то есть преодолеть расстояние в 18 тысяч миль. И сделать это следовало осенью, до наступления холодов.

При таком длительном путешествии требовалось много угля, провианта, других необходимых в хозяйстве вещей. И частично проблема с оснащением была решена в чисто русском духе: военные суда под завязку загрузили оборудованием, углем, провиантом, чтобы реже обращаться за помощью к европейским государствам. Это привело к катастрофической осадке кораблей почти на метр ниже ватерлинии. Например, перегрузка «Бородино» перед выходом эскадры из Ревеля превышала 1700 тонн. Бронированная часть была скрыта под водой, корабль становился неустойчивым и мог в любую минуту завалиться на бок или начать опускаться под воду, как это и случилось с плавучим госпиталем «Орел», который еще во время стояния в Кронштадте начал тонуть, из-за чего его пришлось спешно поднимать и разгрузать.

И уж совсем недопустимым для военного флота было наличие на кораблях ковров, штор, деревянной мебели, мягкой обивки – всех тех атрибутов прогулочно-туристической роскоши, которые в первую очередь подвержены возгоранию. Известно, что один германский военный специалист, увидев внутренние интерьеры военных кораблей, пришел в ужас и заявил, что на германском флоте за такое предают суду.

Организованная наспех Вторая Тихоокеанская эскадра, конечно, не была образцовой. В нее входили и устаревшие суда, вроде броненосца «Наварин», оснащенного орудиями с низкой степенью дальноточности, и совсем новые суда, из-за спешки не прошедшие испытаний, к числу которых относились уже упомянутые «Бородино» и «Орел». Новым судном был и флагман «Князь Суворов», которым командовал капитан I ранга Василий Игнациус²⁹.

В сущности, единственным маневром, отработанным судами в ходе тактики морского боя, было следование в строю кильватерной колонны. С такими неутешительными навыками Вторая Тихоокеанская эскадра вышла из Либавы 1 октября 1904 года и направилась к Северному морю. Главной проблемой эскадры по-прежнему оставалась постоянная дозаправка топливом и оснащение провизией, в то время как у России не было на тот момент достаточно стабильного положения в Европе, чтобы заходить во все порты, не рискуя привлечь внимание или вызвать недовольство. Заправка осложнялась еще и тем, что российское правительство желало бы как можно меньше афишировать этот рейд.

Самый короткий путь пролегал через Суэцкий канал, контролируемый Великобританией, которая официально придерживалась нейтралитета, однако помогала Японии специалистами и вооружением. Между этими двумя странами в 1902 году был подписан договор, на который германский кайзер Вильгельм отреагировал фразой: «Теперь намерения «вермишельщиков» вполне ясны».

28 июня 1904 года российский министр иностранных дел В. Н. Ламздорф сообщал в секретной телеграмме послу в Лондоне Бенкендорфу: «По слухам, дошедшим до нашего Морского министерства, явствует, будто англичане готовят в Ла-Манше личный состав подводных лодок, обучая японцев управлению этими лодками. К моменту выхода 2-й эскадры Тихого океана из Кронштадта весь личный состав на подводных лодках, действующих в Ла-Маншском проливе, будет состоять из японцев, самые же лодки будут уступлены японскому правительству»³⁰.

²⁹ Василий Васильевич Игнациус (21 июня 1854–14 мая 1905) – русский морской офицер и художник, капитан 1-го ранга, погиб в Цусимского сражении, находясь на средней батарее броненосца.

³⁰ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 57. Л. 156–156 об.

Кругом одни шпионы

Из-за выгодной позиции Японского флота ситуация в Северном море сложилась взрывоопасная. На деятельность военно-морской разведки, обеспечивавшей проход эскадры, Российская империя потратила 300 тысяч рублей. Директор департамента полиции А. А. Лопухин поручил обеспечивать безопасность эскадры А. М. Гартингу, завербованному агенту контрразведки. Тот организовал сеть из 83 наблюдательных пунктов, зафрахтовал 12 судов для наблюдения, активизировал агентов в Норвегии, Дании, Швеции и Германии, подключил сеть местных осведомителей. Позднее говорилось о том, что обстановка паники и истерии на эскадре была во многом спровоцирована бурной деятельностью Гартинга, заботившегося больше об увеличении собственных средств. Многие в подвигах главного имперского филера было явно преувеличено или нафантазировано. Об этом пытался сигнализировать русский посол в Дании А. П. Извольский, писавший о Гартинге: «Он несколько раз приезжал в Копенгаген и сообщал мне о появлении японских истребителей в европейских водах. Не доверяя ему, я собрал сам справки по этому поводу и вскоре убедился в фантастичности его сведений, причем единственной целью, которую он преследовал, было получение возможно большей суммы от русского правительства. Я считал своим долгом сообщить об этом кому следовало в России, но мои предупреждения остались тщетными»³¹.

Рейд эскадры проходил в обстановке крайней секретности, координаты никому не сообщались, об остановках в портах русских военных моряков никого не предупреждали, поэтому государства, мимо которых следовала эскадра, не испытывали к ней дружелюбия.

По сведениям Главного морского штаба, в Северном море эскадру поджидали японские миноносцы, и моряки имели четкую инструкцию не подпускать никакие суда менее чем на десять кабельтовых. Суда были оснащены цветной сигнализацией Табулевича, вся прилегающая территория освещалась прожекторами, и в случае появления в опасной зоне неизвестного объекта было предписано стрелять сразу по носу судна и отдать ему приказ выйти из зоны на период прохода эскадры. В случае неповиновения начальник вахты имел полномочия немедленно открыть огонь на поражение из всех видов орудий.

Повышенная боевая готовность идущей эскадры, ожидание диверсий и недоверие к находившейся поблизости Великобритании, поддерживавшей Японию в этой войне, привели к нервозности военных моряков и трагическому происшествию при прохождении русской эскадры вблизи британских берегов.

С самого начала этот поход сопровождали досадные нелепости, и моряки, как люди суеверные, не могли не понять, что это дурное предзнаменование. Флагманский корабль почти сразу сел на мель, а один из крейсеров сопровождения потерял якорную цепь. Пока ждали застрявшего флагмана, а крейсер искал якорь, эсминец случайно врезался в любимый линкор контр-адмирала Фелькерзама «Ослябя» и протаранил его, поэтому линкор вернули в Ревель на ремонт. Несколько крейсеров³² и миноносцев³³ отстали от эскадры на Балтийском море и шли вдогонку с сильным опозданием.

Экипаж

Командиром Второй Тихоокеанской эскадры был начальник Главного морского штаба, контр-адмирал Зиновий Петрович Рожественский, известный как боевыми победами, так и

³¹ Извольский А.П. Воспоминания. Петербург-Москва, 1924, с.31.

³² Крейсера «Изумруд», «Олег» и «Урал».

³³ Миноносцы «Грозный», «Громкий», «Пронзительный» и «Резвый».

журналистской деятельностью: подобно погибшему на броненосце «Петропавловск» вице-адмиралу С. О. Макарову³⁴, он публиковал в газетах отчеты о неутешительном состоянии Российского военного флота, чем снискал недовольство начальства. Впрочем, на флагманском корабле эскадры «Князь Суворов» с 11 сентября 1904 года находился еще один «кристик» – 2-й флаг-капитан Николай Кладо. С апреля 1904 года он был начальником военно-морского отдела штаба командующего флотом Тихого океана и продолжал им оставаться во время похода эскадры, но отношение к нему всегда было неоднозначное. Отношение Рожественского к придирам Кладо можно было понять: командующий эскадры был не виноват в том, что ему досталась «груда металлолома» и пропадающая команда.

Помощниками Рожественского в этом походе были контр-адмиралы Дмитрий Густавович Фелькерзам и Оскар Адольфович Энkvист, младшие флагманы эскадры. Рожественский не питал к ним особенно теплых чувств: Энkvиста он называл «пустым местом», а Фелькерзама – «жирным мешком». В письмах к жене он порой говорил, что Дмитрий Густавович «умница», но «не подходит для самостоятельных действий».

Их экипажи отличались крайней гетерогенностью – от давно утративших навыки прапорщиков запаса до недавно призванных кадетов, окончивших корпус досрочно из-за войны и не успевших получить достаточных знаний. Много было на судах необразованных крестьян из прибрежных районов. Наспех собранные в дорогу юнцы выглядели жалкими и забитыми, старые моряки боялись военных команд и незнакомых им военных приборов. Некоторые вообще никогда не видели моря и страдали от качки. Знакомые с морем гражданские моряки не имели военных навыков. Офицеры-артиллеристы «Князя Суворова» говорили, что «одну половину приходится учить всему, потому что она ничего не знает, другую половину – потому что она все забыла, но даже если хоть кто-то что-то помнит, это уже неважно, потому что все давно устарело».

Около семи процентов эскадры составляли штрафники, отправленные на войну за различные провинности. Им терять было нечего, и этот рейд стал для них почти увлекательным приключением. Попадались среди них и члены революционных групп, пытавшиеся вызвать волнения, поэтому на некоторых судах отмечались случаи саботажа и раздора между членами экипажа.

К середине пути вся эта маргинальная команда испытывала усталость и напряжение из-за невозможности долгих остановок в портах и нехватки топлива.

Нетрудно догадаться о дурных предчувствиях, которые одолевали Рожественского во время этого похода. Его называли «суровым и прямодушным» «бравым моряком», но «ужасно нервным человеком».

Еще 6 июля 1904 года он сообщал начальнику транспортных судов Второй эскадры О. Л. Радлову: «Из различных источников за последнее время получают непрерывные известия об организации Японией целой системы предприятий и ряда покушений на суда нашей эскадры во время следования на театр военных действий. Япония фрахтует иностранные быстроходные коммерческие пароходы и яхты для устройства линий беспроволочного телеграфа, причем по некоторым данным можно предположить, что на этих пароходах устанавливается артиллерия и имеются разного рода мины»³⁵.

Первые сведения о готовящихся диверсиях противника Рожественский получил во время заправки углем возле норвежского мыса Скаген³⁶. Ему донесли, что в порту замечены подозрительные передвижения. В строевом рапорте в Морское министерство от 15 октября 1904

³⁴ «Петропавловск» подорвался на японской mine 31 марта 1904 года под Порт-Артуром. На нем погиб вице-адмирал Степан Осипович Макаров (27 декабря 1848-31 марта 1904), не только военный моряк, но талантливый океанограф и изобретатель.

³⁵ Исторический архив. 1994. № 3. С. 17–18.

³⁶ Hallgarten G.W.E Imperialismus vor 1914. Bd. I. S. 488.

года Рождественский упоминал в качестве своего источника «возвращавшийся из северного плавания транспорт «Бакан»», видевший «четыре миноносца, шедших под одними топовыми огнями, чтобы их издали принимали за бота рыбаков». После получения этих сведений контр-адмирал отдал приказ командирам судов усилить бдительность.

Появились данные о том, что японские миноносцы могут поджидать эскадру возле датского побережья, а кроме того следует опасаться подводных лодок. Консул в Гонконге телеграфировал, что еще в июле японцы купили во Франции несколько подводных лодок и зафрахтовали пароход, который вместе с подводными лодками должен поджидать Балтийскую эскадру между Дувром и Кале за сутки до ее прохода чрез Ла-Манш.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.